

«Закрытость или закрытие Узбекистана – это по сути новый ложный стереотип, появившийся под влиянием огромных впечатлений от тех масштабных реформ, которые были инициированы с приходом к власти президента Шавката Мирзиёева» – отмечает Фарход Толипов, директор негосударственного научного учреждения «Караван знаний», в статье, специально для CABAR.asia.

Подпишитесь на наш канал в [Telegram!](#)

К вопросу о новом регионализме в Центральной Азии

Сегодня повсеместно звучащее суждение о том, что Узбекистан открывается, стало мантрой. Подобных утверждений, терминов, концепций, которые искажают действительное положение вещей, в политическом, медийном и экспертном лексиконе в последнее время накоплено немало. Как бы это ни казалось странным и парадоксальным, но я утверждаю, что Узбекистан не открывается, потому что он и не закрывался.

Закрытость или закрытие Узбекистана – это по сути новый ложный стереотип, появившийся под влиянием огромных впечатлений от тех масштабных реформ, которые были инициированы с приходом к власти президента Шавката Мирзиёева. Эти реформы породили действительно резкий контраст с прошлым периодом, однако, не тот контраст, который заключается в дихотомии «закрытость-открытость».

Узбекистан с первых лет новообретенной независимости никогда не закрывался, а наоборот, как мог, вел относительно открытую и не изоляционистскую политику. Скорее можно судить о том, что внешняя политика Ташкента представляла собой некую форму маневрирования (маятниковая политика), но и это было отчасти связано с личностью руководителя государства, а в большей степени с характером фундаментальных изменений самой системы международных отношений^[1]. Кроме того, надо отличать условия первых лет независимости и нынешние условия – как в международной системе, так и внутри страны. Тому есть немало свидетельств.

Приведу несколько примеров заметного активизма Узбекистана в разные годы. Первый президент Узбекистана Ислам Каримов был инициатором региональной интеграции в

Центральной Азии, буквально, с первых дней независимости, что нашло свое отражение в выдвинутой им в 1993 году концепции «Туркестан – наш общий дом». Когда говорят, что Узбекистан отчуждал от себя Таджикистан, то стоит вспомнить первый государственный визит Каримова в Душанбе, где он провозгласил лозунг «Таджики и узбеки – один народ, говорящий на двух языках». Разумеется, узбекско-таджикские отношения прошли сложный и противоречивый период, но конфликтогенные факторы, обусловившие сложные отношения между двумя государствами, имеют двустороннее происхождение, а не одностороннее.

Писатель Чингиз Айтматов одним из первых поддержал идею, движение «Туркестан – наш общий дом».

Безотносительно успехов и неудач регионального объединения (не об этом идет речь сейчас), Узбекистан при Каримове вел активную региональную политику на всех этапах интеграционного процесса – от провозглашения Центрально-Азиатского

Содружества (ЦАС) в 1991 году, до создания Центрально-Азиатского Экономического Сообщества (ЦАЭС) в 1994 году, до создания Организации Центрально-Азиатского Сотрудничества (ОЦАС) в 2001 году. Неслучайно в те годы был распространен миф о якобы существующем соперничестве между Казахстаном и Узбекистаном за лидерство в регионе. Разве закрытая страна может вести такое соперничество?

На международной арене Ташкент также не был пассивным или закрытым. Уже в 1993 году Каримов выступил на 48-й Сессии ГА ООН, где выдвинул ряд важных инициатив, направленных на укрепление стабильности и безопасности в центральноазиатском регионе. В их числе инициатива о создании в регионе постоянно действующего семинара по региональной безопасности; инициатива о создании зоны свободной от ядерного оружия в Центральной Азии. А в 1999 году на Стамбульском саммите ОБСЕ он предложил создать международный центр по борьбе с терроризмом.

Представительства ООН, ПРООН, ЮНЕСКО, ОБСЕ и других международных организаций функционируют в Узбекистане с первых лет независимости. С 1994 года Узбекистан активно участвовал в программе НАТО «Партнерство ради мира» (ПРМ). В 2001 году Узбекистан вступил в Шанхайскую Организацию Сотрудничества (ШОС).

В марте 2002 года США и Узбекистан подписали декларацию о стратегическом партнерстве. Аналогичный документ подписан между Узбекистаном и Российской Федерацией в 2004 году. К числу стратегических партнеров Узбекистана относятся также КНР, Турция, Япония, Южная Корея и Европейский Союз. Разумеется, в международных отношениях Узбекистана не все шло гладко и без проблем. Напротив, турбулентности в международной системе, вызванные распадом Советского Союза, завершением «холодной войны» и началом формирования нового мирового порядка (НМП), стали серьезным испытанием для молодого независимого государства, адаптирующегося к новым международным реалиям.

Каримов в 2005 году заявил, что в Центральной Азии сложилась «стратегическая неопределенность», что означает, что «здесь сосредотачиваются и порой сталкиваются геостратегические интересы крупнейших мировых держав и соседних с нами стран». Стратегическая неопределенность действительно заметно усложнила региональную обстановку, особенно геополитическое измерение трансформации региона, что постепенно обусловило переход с многосторонних отношений на двусторонние, а это в свою очередь, привело к частичной самоизоляции Узбекистана в международных и региональных делах.

В мае произошли известные трагические Андижанские события, связанные с вылазкой

террористов и проведением контртеррористической операции. Они стали шоковым моментом, обусловившим внешнеполитический разворот Ташкента: Узбекистан вступил в ЕврАзЭС и вернулся в ОДКБ. Но, что интересно и важно для понимания внешнеполитических флуктуаций (что тоже есть особая форма активизма, а не закрывания) государства – Узбекистан вышел из ЕврАзЭС в 2008 году и из ОДКБ – в 2012 году.

Поэтому, когда говорят о закрытии (изоляции) или открытии Узбекистана, часто не замечают, что этим самым упрощают сложную и многогранную картину. Таким образом, вопрос заключается не в открытости или закрытости страны, а, по крайней мере, в двух факторах: а) сущность и динамика изменений международной и региональной обстановки; б) появление фундаментально новых задач реформирования страны. Это нормальный диалектический процесс, когда то, что называется политическим курсом государства (внешний или внутренний) модифицируется в меняющемся международном, региональном и внутреннем контексте. Поэтому надо провести аккуратную инвентаризацию политических активов Узбекистана, чтобы дать более объективную оценку содержания и характера его внешней и внутренней политики.

Уместно здесь вспомнить принципы внешней политики Узбекистана, которые были приняты в начале независимости:

- открытость для сотрудничества независимо от идеологии, приверженность общечеловеческим ценностям, сохранению мира и безопасности;
- уважение суверенитета других государств и признание нерушимости границ;
- невмешательство во внутренние дела других государств; мирное урегулирование споров;
- неприменение силы или угрозы силой; уважение прав и свобод человека;
- преимущество общепризнанных норм международного права над внутринациональными законами и правовыми нормами;
- заключение союзов, вступление в содружества и выход из них в целях обеспечения высших интересов государства, народа, его благосостояния и безопасности;
- неприсоединение к агрессивным военным блокам и объединениям;
- равноправие и взаимная заинтересованность в межгосударственных отношениях, верховенство национальных интересов государства;
- развитие внешних связей на основе двусторонних и многосторонних соглашений: в случае сближения с одним государством не отдаляться от другого.

Эти принципы никак не согласуются с представлениями о закрытости Узбекистана.

Справедливости ради надо признать, что в последнее десятилетие правления Каримова переход Узбекистана на двусторонние отношения и прекращение функционирования ОЦАС значительно ухудшили региональный политический климат и повысили градус конфликтности в регионе. Некоторые наблюдатели именно с этим связывают закрытость и самоизоляцию Узбекистана. Но и при этом не следует забывать, что Узбекистан продолжал участвовать во всех саммитах ШОС и СНГ; в Ташкенте был открыт офис НАТО; а в 2013 году Каримов и Назарбаев подписали договор о стратегическом партнерстве между Узбекистаном и Казахстаном.

Поддержка Узбекистаном статуса постоянного члена в СБ ООН Индии и Японии свидетельствует о том, что страна более или менее успешно прошла этап адаптации к международной системе и способности выражать более крупные, нежели ранее, международные инициативы и позиционировать себя в качестве активного актора.

Наконец, стратегически важной составляющей международной активности Узбекистана с первых лет независимости является политика транспортной диверсификации с целью выхода на новые мировые рынки. В частности, стоит упомянуть, что Ислам Каримов в свое время инициировал строительство железнодорожного сегмента Теджен-Серахс-Мешхед, который позволил соединиться с железнодорожной сетью государств Персидского залива. Поддержка Узбекистаном проекта ТРАСЕКА, многолетнее участие Узбекистана в реконструкции транспортной инфраструктуры Афганистана тоже в ряду таких примеров диверсификации.

Нынешний президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в одних аспектах демонстрирует преемственность прежнего курса, в других аспектах инициирует элементы нового курса. Так, например, провозглашение Мирзиёевым региона Центральной Азии в качестве приоритета во внешней политике Узбекистана, с одной стороны, напоминает о каримовском принципе «Туркестан – наш общий дом», а с другой – создает новый формат и новую динамику регионального сотрудничества. Инициативы Мирзиёева, выдвинутые с трибуны ООН, не только не уступают по значимости инициативам прежнего руководства, но и в некоторых аспектах превосходят их. Прорывы во внутренней политике тоже очевидны; они прежде всего нашли свое отражение в принятии и поэтапной реализации Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах.

Нынешний президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в одних аспектах демонстрирует преемственность прежнего курса, в других аспектах иницирует элементы нового курса. Фото: islamkarimov.uz

Еще один момент, заслуживающий внимания в данном контексте: степень открытости стран Центральной Азии друг к другу и настроенности на тесное региональное объединение. Надо признать, что десятилетие, прошедшее после ликвидации ОЦАС вплоть до «открытия» Узбекистана с приходом к власти Мирзиёева было не просто периодом отчуждения одного (!) государства от остальных, а периодом взаимного (!) отчуждения центральноазиатских стран друг от друга. При всем этом, лидирующая роль Узбекистана в региональных делах всегда была очевидна: его вовлеченность или самоизоляция решала судьбу интеграции в Центральной Азии в ту или другую сторону. Еще в середине 1990-х известный американский ученый и специалист по Центральной Азии Фредерик Старр, замечал, что независимый и сильный Узбекистан – в интересах всех стран региона, в том числе России и что Узбекистан может быть единственным якорем в регионе. Он также подчеркивал, что несмотря на авторитарный режим в Узбекистане все же будущая роль этой страны будет зависеть от крупных реформ^[2].

Лидирующая роль Узбекистана в региональных делах всегда была очевидна: его

вовлеченность или самоизоляция решала судьбу интеграции в Центральной Азии в ту или другую сторону.

Итак, можно диалектически утверждать, что нынешняя внутренняя и внешняя политика Узбекистана формируется в изменившихся внутренних и внешних условиях, востребовавших решение новых задач реформирования. Ташкент не столько «открывается» (ибо он и не закрывался), сколько объективно корректирует свой внешнеполитический и внутривластный курс, отвечая на новые вызовы XXI века.

Заключение

Этой небольшой статьей я хотел показать важность более глубоких исследований и критического анализа процессов в регионе Центральной Азии. Недавно я писал, что в российских экспертных кругах плохо знают Центральную Азию и в своих работах зачастую пользуются устаревшими представлениями и делают поверхностные выводы, пользуясь упрощенными клише^[3]. Но и для экспертов стран региона тоже актуален этот вопрос.

Уроки прошедшего периода независимости, помимо прочего, заключаются в том, что многие эксперты, журналисты и даже политики самих стран Центральной Азии тоже плохо знают и свои страны, и регион в целом.

Если даже принять риторику открытости Узбекистана, то теперь важно, чтобы соседние по региону государства не только не закрывались сами, но и не отворачивались друг от друга. Ведь, надо признать, что когда говорят, что Узбекистан открывается, то это с одной стороны, означает критику недавней «закрытости», что привело к замораживанию регионального сотрудничества, а с другой – позитивные оценки и ожидания перспективы нового сближения и активного сотрудничества. Что это должно означать? Во-первых, что без Узбекистана практически невозможно двигать региональный процесс; во-вторых, что странам региона теперь надо поддержать усилия Узбекистана по ре-активизации этого процесса. Следовательно, позитивные оценки надо подкреплять делами. Ожидаемая в этом году третья Консультативная встреча президентов государств Центральной Азии должна дать ответы на новые вызовы, особенно в контексте глобальной пандемии COVID-19, которая, помимо прочего, повысила актуальность и ожидания более тесного сотрудничества пяти государств региона. Теперь, очевидно, никто из них не должен изолироваться или закрываться, а должен еще больше открываться друг к другу и идти на тесное сотрудничество в региональном масштабе.

Данный материал подготовлен в рамках проекта «Giving Voice, Driving Change — from the Borderland to the Steppes Project». Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции или донора.

Фото на обложке статьи: president.uz

[1] Tolipov, F. “Flexibility or Strategic Confusion? Foreign Policy of Uzbekistan”, in *Uzbekistan Initiative*, Central Asia Program, the George Washington University, No. 2, February, 2014,
<http://origin.library.constantcontact.com/download/get/file/1110347635144-152/UI+papers+2-Farkhad+Tolipov.pdf>

[2] Starr, F. “Making Eurasia Stable”, in *Foreign Affairs*, Vol. 75, No.1, 1996.

[3] Толипов Ф. «Знают ли в России Центральную Азию?»
https://www.ng.ru/dipkurer/2020-06-28/11_7896_asia.html?fbclid=IwAR2IOsxS6lis8y6KerqPvEqvRgMz39I-dQnnPVdebNz6unu0o_VXbBAM8js 28/06/2020.

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.